

(Перевод: Ориана)

На горе Лаоцзюнь, в гостевом доме.

Из рации, которую Цин Чэнь положил на стол, внезапно раздался голос: «Привет, я Лу Юань из Куньлуня».

Он молча посмотрел, но проигнорировал вызов.

В данный момент Цин Чэнь лежал на спине на чистой кровати, в зубах он зажал свернутое махровое полотенце, его лицо было бледным.

В ногах у него сидела Цзян Сюэ с несколькими флаконами йода и ватными тампонами, которые она купила утром, и, плача, очищала раны на ногах Цин Чэня.

Мелкие занозы, осколки стекла, грязь.

Цзян Сюэ понемногу убирала их.

Капли пота катились со лба Цин Чэня, Ли Тунъюнь сидела рядом с ним и постоянно вытирала их.

Маленькая девочка тоже плакала.

Они плакали не из-за страха или чего-то другого, а потому что им было очень жалко Цин Чэня.

Прошлой ночью молодой человек с большим трудом смог вернуться в гостиницу. Чтобы не дать обнаружить себя по следам босых ног, он даже через боль надел обувь и зашел в другой гостевой дом.

Как только он вошел в комнату, он потерял сознание.

Изнemoжение, страх и паника после первого убийства, и выброс адреналина – цена за его страстность, все это клокотало в нем.

На протяжении всего боя он использовал дыхательные техники. После боя из гипофиза выделялось огромное количество эндорфинов, благодаря которым он на время забыл о боли.

Но когда утром Цзян Сюэ промывала раны, боль все равно вернулась.

Сначала Цзян Сюэ хотела дать Цин Чэню немного отдохнуть, но с этими ранами нужно разобраться быстро, это нельзя откладывать.

Цзян Сюэ вытерла слезы и сказала: «Посмотри на кровавую бороздку на своем плече, еще бы чуть ниже, и лопатка была бы перебита».

Цин Чэнь ничего не говорил, он молча терпел боль.

На самом деле его травмы просто выглядели страшными, но он знал, что все они были поверхностными и скоро заживут.

В частности, он использовал дыхательную технику на протяжении всего боя, и его утраченные физические силы к утру постепенно восстановились.

Неизвестно, было ли это из-за того, что он использовал дыхательную технику в обычном бою, и к тому же испытывал сильную боль.

Цин Чэнь смутно почувствовал, что энергия в его теле, казалось, стала больше, как если бы она изначально была размером с кулак, но теперь она выглядела как полтора кулака.

Более того, тело как будто перерождалось, за ноющей болью во всем теле, казалось, даже кости слегка потрескивали.

Через три часа Цзян Сюэ, наконец, убедившись, что очистила раны на ногах Цин Чэня, сказала ему: «Поспи еще немного, а я воспользуюсь кухней, чтобы приготовить тебе еду».

«Мм, спасибо, тетя Цзян Сюэ», – слабо сказал Цин Чэнь.

Стоящая рядом Ли Тунъюнь сказала: «Брат Цин Чэнь, когда ты вернулся рано утром, ты до смерти напугал мою маму и меня. Я думала, ты уйдешь».

Цин Чэнь хмыкнул.

Затем он услышал, как маленькая девочка сказала: «Тогда моя мама проверила твои травмы и обнаружила, что наиболее серьезно пострадали только плечо и ступни, так что мы успокоились. Не рискуй жизнью в следующий раз, ладно? Если ты умрешь, мне будет очень страшно».

Цин Чэнь выдавил из себя улыбку: «Не волнуйся, со мной все будет в порядке».

Когда Цзян Сюэ ушла, Ли Тунъюнь шепотом спросила: «Брат Цин Чэнь, я примерно догадалась о твоей личности, но это немного отличается от той информации, которая у меня была раньше, поэтому я должна убедиться».

Цин Чэнь на мгновение растерялся, похоже, что эта девочка что-то обнаружила, пока он был в отключке.

Но это не важно, на самом деле он не против того, чтобы девочка узнала, кто он такой.

Ему просто было немного любопытно: «Почему ты так настойчиво хочешь найти меня во внутреннем мире?»

Однако Ли Тунъюнь продолжила: «Я не могу рассказать маме о том, что стала путешественником. Тебя тоже нет рядом. Мне очень страшно спать ночью одной в этом поместье. Когда я найду тебя, я больше не буду бояться. Брат Цин Чэнь, ты знаешь, я так одинока в этом внутреннем мире...»

Цин Чэнь ненадолго задумался: «Это ты мне на жалость давишь?»

Ли Тунъюнь поджала губы: «Да ну тебя!»

«У тебя есть новые друзья во внутреннем мире?» – с любопытством спросил Цин Чэнь.

«У меня есть старший брат и старшая сестра, которые очень добры ко мне, и дедушка Ли тоже очень добр ко мне, – прошептала Ли Тунъюнь, – однако консорциум Ли кажется довольно сложным, в конце концов у этого очень милого старика слабое здоровье, многие люди тайно обсуждают, что будет после его ухода».

Цин Чэнь подумал, что этих старшего брата, старшую сестру и дедушку следует считать прямой ветвью консорциума Ли.

Однажды он услышал, как Ли Шутон сказал, что нынешний глава семьи Ли очень стар и его здоровье ухудшается.

Глава семьи Камиширо должен быть самым старшим, его возраст нельзя определить, и то, как он продлевает свою жизнь, кажется бесчестным.

Цин Чэнь пока не хотел в это вникать.

Он повернул голову и посмотрел на свое плечо, где была наложена свежая повязка.

Все вокруг напоминало ему, что все кончено.

Стоп, у Цин Чэня есть еще одно дело.

«Сяо Тунъюнь, ты можешь найти ручку и бумагу?» – спросил Цин Чэнь.

«У меня в рюкзаке есть», – сказала Ли Тунъюнь.

С ее помощью Цин Чэнь медленно облокотился на две подушки, нашел в мобильном телефоне способ расшифровки азбуки Морзе, а затем, полагаясь на свою память, записал код, который член «Куньлуня» отбивал в ту ночь.

Удар указательным пальцем – короткий звук, а удар средним пальцем – длинный звук. Каждая группа ударов представляет собой букву или цифру.

Например, один удар указательным пальцем и удар средним пальцем означают букву А.

(п.п. – вообще в Китае существует своя четырехзначная система кодирования не звуков, а самих иероглифов, но то, что здесь описано, «точка-тире» для кодирования буквы А, скорее всего имеется в виду система кодирования пиньинь, звуковой записи китайских слогов латинскими буквами, и А здесь – первая буква слога (один иероглиф – один слог))

И эти, казалось бы, беспорядочные ритмы постукивания собирали воедино важную информацию.

Цин Чэнь не знал, почему ему вдруг захотелось расшифровать эту азбуку Морзе, он просто чувствовал, что упускает чрезвычайно важную вещь.

Этот инцидент заставил такого богатого человека, как Ху Сяюнь, рискуя своей жизнью, умолять его отомстить за двух членов «Куньлуня».

Цин Чэнь быстро воспроизвел ритм постукивания в своей памяти и расшифровал его.

«Никаких сожалений в этой жизни, береги себя».

Тук-тук-тук, тук, тук (повторяю в последний раз).

«Никаких сожалений в этой жизни, береги себя».

Это сообщение от раненого члена «Куньлуня», который упал на землю, другому своему товарищу.

Сидя на кровати, Цин Чэнь вдруг подумал, что в тот момент, когда тот человек был ранен, он уже был готов к смерти.

Он смотрел на пленительное голубое небо за окном. Небо в горах казалось ниже, чем в городе, и в то же время бескрайним.

Но по какой-то причине настроение Цин Чэня стало немного подавленным.

Он сложил расшифрованный листок бумаги и попросил Ли Тунъюнь положить его в его кошелек.

<http://tl.rulate.ru/book/57415/2844760>